

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-21-4-138>

УДК 811.111

ТЕКСТОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СТАРЕНИЯ И ЭЙДЖИСТСКИЕ УСТАНОВКИ В СОВРЕМЕННОМ ЖЕНСКОМ ДИСКУРСЕ

А.В. Берестнева (Майкоп, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Результаты междисциплинарных исследований показывают, что процесс старения был беспричинно связан со словами упадка, уязвимости и имеет гендерную маркированность. Взаимоотношения между этими двумя идентичностями сложны, а с точки зрения лингвистического исследования это в значительной степени недостаточно изученная и не имеющая удовлетворительного теоретического обоснования область.

Цель статьи – на основе отрывков из литературно-художественных произведений провести анализ лексических единиц с эйджисткой семантикой и выделить семантические группы, которые основаны на определенных стереотипных установках.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования послужили произведения современных американских писательниц К. Бушнелл и С. Майер, содержащие примеры возрастных стереотипов.

Основные методы анализа: метод сплошной выборки, гипотетико-дедуктивный метод, описательный метод с его основными компонентами (наблюдение, описание, обобщение), а также метод контекстуально-прагматической интерпретации.

Выводы. В ходе работы выявлено, что под воздействием сформированных отрицательных установок негативное отношение и мысли о старении могут стать направленными внутрь себя и послужить источником геронтофобии. В исследуемых произведениях язык эйджизма распределяется по пяти семантическим группам, включая эксплицитные выражения действующих лиц, а также имплицитную предвзятость самого автора.

Ключевые слова: эйджизм, культурные установки, процесс старения, геронтофобия, стереотипы, гендерный дискурс, негативный язык, дискриминация по возрасту, лингвистические ресурсы.

Постановка проблемы. То, как мы используем язык, чрезвычайно важно, учитывая, что лексика передает уровни значения, которые укоренены гораздо глубже, чем сами слова, особенно, когда мы говорим, не задумываясь о социальной приемлемости. Что касается старения и пожилых людей, некоторые слова и фразы, даже позитивные, могут непреднамеренно закреплять негативные установки, стереотипы, суждения и предположения.

Дискриминация по возрасту на основе языка может включать не только враждебность, но также уничижительные высказывания и даже оскорбления. Негативное отношение к пожилым людям, по сути, основано на обобщенном представлении о старении как процессе внешней и внутренней отчужденности.

Не будет преувеличением сказать, что термин «ageism» очень популярен в социологических исследованиях последнего времени. Его происхождение связывают с именем Роберта Н. Батлера, врача-психиатра, геронтолога и писателя. В своей работе он впервые указал, что эйджизм отражает глубоко укоренившееся беспокойство со стороны молодежи и людей среднего возраста – личное отвращение и неприязнь к старению, болезням, инвалидности, страх бессилия, «бесполезности» и смерти [Butler, 1969, p. 243].

Исследование дискриминации по возрасту и стереотипов и предрассудков опирается на широкий спектр научных сфер, объединяя соответствующие идеи и теоретические взгляды из различных областей: социолингвистики, теории культуры, гендерных исследований, социальной геронтологии, теории идентичности, социологии и анализа феминистского дискурса. Литература предоставляет богатые ресурсы для интерпретации значения старения в кросс-культурных и исторических исследованиях. Теоретически обоснованное понимание публицистики должно основываться на контекстуальном понимании литературы как вида искусства, включая соображения о стиле, жанре, намерениях авторов и аудитории, осведомленность о перспективах анализа, критериях толкования, взятых из геронтологии [Hendricks, Leedham, 1987].

В период расширения феминистской критики языка можно наблюдать тенденцию к появлению новых социальных и гендерных стереотипов, которые привели к изменению женского архетипа в художественной литературе. В рамках статьи предполагается прагмалингвистическое изучение произведений современных американских писательниц с точки зрения культурно обусловленных стереотипов, которые до сих пор для рассмотрения в этом ключе не привлекались. В качестве материала для контекстуально-прагматической интерпретации были отобраны романы «Lipstic jungle» (Помадные джунгли) (2005) К. Бушнелл и «New Moon» (Новолуние) (2006) С. Майер. Существенным фактором отбора было то, что указанные авторы являются яркими представителями современного женского дискурса, а их произведения пользуются огромной популярностью и имеют многочисленные экранизации. Отбор материала определялся тем фактом, что, несмотря на кардинальные различия в социальном статусе и разные поколения, героини К. Бушнелл и С. Майер отражают богатое разнообразие женской жизни. Каждая из писательниц выражает свое отношение к женской автономии и построению культурной идентичности женщины. Одна примечательная характеристика современной героини заключается в том, что ее недостатки находятся в центре внимания, а переживания по поводу возрастных изменений актуализируют смысловые области, которые у носителей английского языка ассоциируются со словом «ageism».

Обзор научной литературы. На современном этапе развития лингвистики особое внимание уделяется изучению особого вида дискурса – гендерному дискурсу. Важнейшее деление людского рода на две части (мужчины/женщины) до недавнего времени не привлекало к себе специального внимания лингвистов.

Социолингвистика, психоллингвистика, этнолингвистика изучали особенности языка и его употребления, связанные с различиями между группами людей, не обращая внимания при этом на различия по полу. «Изучались группировки иного рода, отражавшие дифференциацию социальную, возрастную, профессиональную, локальную (место рождения и жительства), этническую и др. И лишь сравнительно недавно ученые стали обращать специальное внимание на особенности мужской и женской речи» [Земская и др. 1993, с. 90].

Анализ существующих концепций «гендера» в отечественном и зарубежном языкознании показал, что не во всех случаях половая принадлежность представляет лингвистически релевантный фактор. Так, О.Н. Прокудина, исследуя особенности речевого стиля мужчин и женщин на материале русской и английской диалогической речи, пришла к выводу, что выделять специфичный «женский» дискурс, отличный от «мужского», неправомерно. Бесспорно, гендерный признак является важным, однако не доминирующим. Поэтому следует говорить о гендерно-коммуникативном факторе, детерминирующем или модифицирующем выбор коммуникативной стратегии, а не о типе дискурса в целом [Прокудина, 2002, с. 35].

Напротив, Н.А. Долженко, Н.С. Сивкова находят гендерный подход к тесту достаточно продуктивным, так как он помогает и анализировать языковые особенности автора в целом, и представлять речевой портрет героини в частности. Так, проведенный статистический анализ в рамках системного подхода и компонентного метода описания морфологических форм позволил автору статьи выделить определенные особенности речевых тактик женской языковой личности в историческом романе [Долженко, Сивкова, 2019].

В американской литературе последних десятилетий отмечается повышение интереса к изучению вопросов возрастной дискриминации различного типа, которые описывают стереотипы, часто уходящие корнями в язык больного/дефицитного тела и опирающиеся на семиотику физического и эмоционального расстройства. Определение понятия «эйджизм» претерпело значительные изменения. Восприятие старения представлено как позитивными, так и негативными взглядами на проблему возраста.

Современные культурные категории, по существу, сводятся к двум: молодость и возраст, – иерархически организованные, так что о нас судят не по тому, сколько нам лет, а по тому, насколько мы молоды. Старые в рамках доминирующей культуры представляют собой нарушение поля зрения. Подобно инвалидам или людям, имеющим отклонения от нормы, они оцениваются с точки зрения умаления, как «меньше, чем...». Ряд отрицательных значений считываются с состарившегося тела, которое, в свою очередь, принимается за источник проблем старости: «Such stigma results not from changes in the body as such, but from social constructions that read the older female body in negative ways» [Furman, 1999, p. 10]. Аргумент, который приводит автор, заключается в том, что полярность молодости и возраста все еще имеет место, что она фактически является одной из доминирующих сил, управляющих современным социокультурным отношением к старению. Он встроен в

культурную оценочную инфраструктуру и способствует поляризации, которая характеризует многие культурные дискурсы старения и гендера.

Автор статьи «От эйджизма в языке к геронтофобии в тексте: о жанрах ненависти в Сети» Э. Лассан рассмотрела, как языковой эйджизм в литературных текстах поддерживается отрицательными высказываниями в адрес пожилых людей. А эпоха Сети демонстрирует, как неприязнь к старикам приобретает характер фобии, боязни собственного старения, обозначаемой термином «геронтофобия» [Лассан, 2019].

Комплексное исследование по вопросу восприятия старения в 25 странах ЕС провела И. Рыхтаржикова на основе данных обследования Special Eurobarometer № 437 (2015). Она указывает на наличие универсальных для многих стран стереотипов и предвзятости, связанных с возрастом. Стоит отметить, что женщины более часто воспринимают дискриминацию по возрасту из-за исторической маргинализации, когда они имели более низкий социальный статус и находились в неблагоприятном положении на рынке труда. Даже сегодня после корректировки с учетом остальных переменных в модели эта дискриминация значительна [Rychtaříková, 2019]. Положительные или отрицательные возрастные стереотипы, присущие пожилым людям, могут оказывать благотворное или пагубное воздействие на их умственные и физические способности. Автор ссылается на теорию воплощения стереотипов психолога Бекки Леви [Levy, 2003], которая говорит, что долговременное воздействие эйджистских стереотипов на человека приводит к самоэйджизму. Эти негативные стереотипы, которые пожилые люди имеют в отношении своей возрастной группы, могут затем оказывать отрицательное влияние на состояние их здоровья.

Такой образ мыслей иногда может распространяться средствами массовой информации, играющими в наши дни важную роль в формировании общественного мнения. Например, результаты исследования показывают, что пандемия Covid-19 усугубила коллективные проявления эйджизма, так как СМИ обсуждали процесс старения и пожилых людей. Несмотря на то что точка зрения пожилых людей находилась в центре кризиса, она была практически исключена из дискурса, поскольку другие говорили от их имени, сосредоточиваясь на «проблемах», создаваемых стареющим населением и де-факто пожилыми людьми. Сочетание в основном негативного языка, используемого для описания пожилых людей, и безличного и объективирующего тона, может способствовать эйджизму и негативно влиять на здоровье и социальную изоляцию пожилых людей [Lagacé at al., 2021].

В продолжение темы С. Андерсон [Anderson, 2019] рассматривает, как стареющие женщины представлены в средствах массовой информации и рекламных дискурсах, анализируя рекламу антивозрастных средств по уходу за кожей и отдельные медиатексты, применяя постфеминистскую систему интерпретации. Фундаментальная амбивалентность СМИ в отношении старения женщин выражается в том, как пожилые женщины представлены текстуально и визуально, а также в противоречивом характере дискурсов, ориентированных на мужчин,

по сравнению с общением в отношении женщин. Автор приходит к выводу, что взаимосвязь между старением и гендером является лишь одним аспектом более широкой проблемы взаимосвязи, которая приобретает все большую актуальность в академической и деловой сферах. Дискуссию на тему того, что СМИ являются мощным каналом, который может способствовать распространению стереотипов и усугублению дискриминации, необходимо расширить, включив в нее различные категории «инаковости», такие как раса и сексуальность.

Цель статьи – провести анализ отрывков из литературно-художественных произведений американских писательниц, содержащих единицы с эйджисткой семантикой, которые ассоциируются у носителей английского языка с процессом старения, и выделить семантические группы, связанные с определенными стереотипами, актуализируемыми в женском художественном дискурсе.

Материалы и методы исследования. Среди общенаучных методов исследования использовался гипотетико-дедуктивный метод, который позволил собрать языковой материал и осуществить его индуктивное обобщение. Организация художественного текста строится на взаимосвязи плана выражения и плана содержания, требующего декодирования и анализа, поэтому описательный метод позволил выявить особенности и обобщить исследуемый материал на наличие эйджистских стереотипов в речи персонажей, а метод контекстуально-прагматической интерпретации позволил рассмотреть ситуации употребления лексических единиц в дискурсе.

Результаты исследования. В данном исследовании есть теоретическая отправная точка, опирающаяся на предпосылку Майкла Холлидея о том, что язык и социальный контекст взаимосвязаны: «Своими повседневными осмысленными действиями люди отыгрывают социальную структуру, закрепляя свои собственные статусы и роли, устанавливая и передавая общие системы ценностей и знаний» [Halliday, 2002]. Отношение и стереотипы людей могут формироваться как на общественном, так и на индивидуальном уровне, на которые могут влиять такие характеристики, как социальный статус, возраст, пол и другие.

Роман Кэндес Бушнелл «Lipstic jungle» рассказывает о жизни трех подруг: Вэнди Онилли, Нико Райли и Виктории Форд. Молодые женщины, которые занимают 8, 12 и 17-е места в списке New York Post «50 самых влиятельных женщин Нью-Йорка», хотя и богаты, но уже не так молоды. В определенный период жизни под влиянием стереотипов каждая из них болезненно испытывает естественные возрастные изменения.

Одна из тем, затрагиваемых в современной американской прозе, касается отвержения протагонистом самого себя в силу возраста и наложения внутреннего эйджизма, который основан на предубеждении по отношению к пожилым людям и, как следствие, неприятия самого себя. Несмотря на то, что все сталкиваются с физическими изменениями, женщинам труднее приспособить возраст и физическую реальность к своему зеркальному отражению. Исследуемые выдержки из романов иллюстрируют, как лингвистические ресурсы связывают культурные

установки, которые в большинстве своем обращены на женщин, с выражением двойственного представления о том, что есть правильный и неправильный путь к старению. Эти стереотипные суждения имеют, бесспорно, гендерный характер и являются еще одним указанием на различный оценочный контекст, в котором живут женщины и мужчины в вопросах внешнего вида. Это те стандарты, по которым женщины судят себя и друг друга.

Интересно рассмотреть позицию автора к процессу старения на примере Виктора Мэтрика и Сьюзан Эрроу. Виктору, который являлся одним из генеральных директоров «Сплэтч – Вернер», было за семьдесят или даже за восемьдесят: «Like most CEOs, Victor, who was in his mid-seventies or possibly even eighty, was notoriously eccentric» [Bushnell, 2008, p. 32]. Уже сам факт неопределенности границ его возраста показывает, что странности в поведении, по мнению автора, характерны для людей 65+, после этих лет трудно определить точный возраст пожилого человека: «Due to his age and his odd behavior, nearly every executive was convinced that Victor was insane» [Bushnell, 2008, p. 32]. «Victor's eyes glittered – with either the gleam of insanity, old age, or a combination of both...» [Bushnell, 2008, p. 91]. «The whites of his eyes were slightly yellow with age as well, like ancient paper» [Bushnell, 2008, p. 339]. «On the other hand, Victor was old. Maybe he really didn't remember» [Bushnell, 2008, p. 340]. «He was so old! He ought to be dead, perhaps he actually was dead, and no one figure it out» [Bushnell, 2008, p. 340]. Во всех эпизодах, описывающих Виктора Мэтрика, видимые признаки его старения проблематизируются отрицательно-оценочным характером языка: слова «crazy», «insane», «insanity» вызывают ассоциации со «старческим слабоумием», а «notoriously eccentric» означает психические отклонения, обусловленные возрастной стереотипизацией. Также метафорическое сравнение белков его глаз с «древним пергаментом» имеет намек на «древность» самого Виктора. Кроме того, использование модальности во фразах «couldn't last much longer» и «ought to be dead» указывает на отсутствие возможности дальнейшего существования и вероятность скорого ухода. Практически во всех цитатах употребляется слово «old» или «age» как причина плохой памяти, причуд и прочих признаков возрастных изменений.

На примере описания Сьюзан Эрроу, основателя и президента компании по связям с общественностью, автору романа удастся конструировать процесс старения как позитивный по своей сути с помощью лексики, такой как «to decipher her real age», «to look better and younger-looking than they had in their thirties» и «time began to reverse» и др. Сопоставление фраз «определить ее реальный возраст», «выглядеть лучше и моложе, чем в 30 лет» и «повернуть время вспять» определяет этот текст как решение проблемы. В ее характеристике нет открытого упоминания или негативной оценки старения и его видимых признаков. Вместо этого авторский подход заключается в нормализации меняющихся внешних признаков на разных этапах жизни: «had battled cancer», «had botox and fillers injected into their faces, and eyelifts», «had had two facelifts»,

«possibly breast implants» (т.е. представлен образ действий, необходимый для достижения этого состояния). Это дополнительно подкрепляется дескрипторами результатов: «She was still sexy», «youthful décolletage», которые обращаются к лексике, более традиционно связанной с молодежными дискурсами (например, «Success and self-actualization was what really made women glow», «they shone with the fullness of life»), т.е. эстетический стандарт, необходимый для достижения желаемого состояния. При этом «сокрушительная острота» женского взгляда, особенно когда он обращен на других женщин, кажется, используется для представления не реальной, а достижимой красоты, и только через хирургическое вмешательство («achieved with the surgeon's knife»): «Victory and Nico always said they hoped they'd look half as good as she did when they got to be her age» [Bushnell, 2008, p. 60–61]. Следовательно, конструкция стареющей женственности Сьюзан, сравниваемая с причудами старости Виктора Мэттерика, опосредована гендерной обусловленностью авторского взгляда.

Хотя такие контрдискурсы, похоже, имеют место в романе, старение женщин все же чаще проблематизируется, чем прославляется, посредством дискурсов, которые безжалостно вербализуют и негативно оценивают его видимые признаки, увековечивая необходимость соответствовать стереотипам женской красоты. Например, в эпизоде, когда Венди обогнала группа молодых девушек, для которых она была невидимым объектом: «To them, she was nothing more than a desperate middle-aged woman, the kind of woman young girls looked at and, turning to their girlfriends, whispered, “Shoot me if I ever get to be like her, huh”» [Bushnell, 2008, p. 278]. «But they would become like her. That's what the young refused to understand. Everybody got older and shit happened to you. Bad shit. Shit you couldn't control...» [Bushnell, 2008, p. 279]. В данных контекстах одна из главных героинь, признавая себя женщиной средних лет, уподобляет процесс старения «неконтролируемой мерзости». В данном контексте стоит обратить внимание на взаимодействие лексики, используемой протагонистом-женщиной, с лексикой, которая употребляется автором в отношении стареющих женщин.

Отягощенный тревогой язык, который используется в моменты личных переживаний, указывает на борьбу за примирение глубокого противоречия между неизбежностью физического старения и культурной ориентацией на молодость как необходимое условие женственности. Так, Нико, заметив у себя седой волос, вспомнила, как, вернувшись домой из школы, обнаружила свою 36-летнюю мать в слезах из-за первого седого волоса: «I'm old. I'm oooooold», she'd sobbed... «It means that Daddy won't love me anymore» [Bushnell, 2008, p. 405]. В этом отрывке наглядно видно, как утрата молодости для женщины связывается с потерей сексуальной привлекательности. По приведенным выше примерам видно, как культурная установка диктует, что молодость/красота часто бывают определяющими показателями, по которым оцениваются все проявления женственности. И вот здесь актуализируется такое понятие, как «геронтофобия», которое образно представлено в романе С. Мейер «Новолуние».

«Twilight» – серия книг, в каждой из которых описываются события из жизни главной героини Беллы Свон и ее возлюбленного вампира Эдварда. В романе вампиры обладают сверхъестественной красотой и бессмертием. По сюжету при обращении вампиры получают не только сверхъестественные способности и вечную жизнь без старости, у них идеальное тело, совершенные черты лица. Вся семья Калленов, включая отца семейства и его жену, а также обращенных в разное время приемных детей, производит на Бэллу Свон неизгладимое впечатление своей безупречностью. Считая себя посредственной, девушка начинает страдать комплексом неполноценности в обществе идеальных красавцев. Наступившее восемнадцатилетие Бэллы становится причиной одержимости идеей превращения в вампира, чтобы остановить неумолимо приближающуюся «старость».

Геронтофобия девушки актуализируется в сюжете повторяющихся снов, где она видит себя в зеркале в образе собственной бабушки: «The skin was soft and withered, bent into thousand tiny creases that clung gently to the bone underneath. Like a dried apricot, but with a puff of thick white hair standing out in a cloud around it» [Meyer, 2009, p. 3]. В представленном отрывке подробно описываются ее морщинистое лицо, кожа на котором была дряблой и сморщенной, похожей на сушеный абрикос. И еще рот, похожий на морщинистую складку (wizened pucker), – главный фокус и объект пристального внимания. По мнению многих исследователей, женщины склонны придавать лицу своего рода метонимическое значение, так что оно становится символом изменений, вызванных процессом старения в организме в целом: «Me in a mirror. Me – ancient, creased, and withered» [Meyer, 2009, p. 5].

Контрастом «постаревшей» Бэлле выступает «forever seventeen» Эдвард. Лексически противоположное состояние «вечной юности» строится антитетически в словосочетаниях с положительной оценкой («With the most beautiful smile on his angel's face», «Strolling gracefully» «Excruciatingly lovely»), которые имплицитно предполагают ценности, связанные с молодостью. Не менее привлекательные физические проявления, являющиеся источником геронтофобии Бэллы, представлены при описании других представителей вампиров: кожа – smooth, hard, cold; лицо – impossibly perfect face, statue still face, pixie face; смех – silver sound, a wind chime. Так, встретив вампира Лорана, который ранее преследовал ее, Бэлла была не только напугана, но и поражена его неизменной красотой, которую она сравнивает с вечностью: «It was impossible how exactly the same Laurent looked. I suppose it was very silly and human to expect some kind of change in the year. ... His face was the most beautiful face I'd seen in what felt like an eternity» [Meyer, 2009, p. 208].

Одним из ключевых моментов, из-за которого главная героиня переживает приступы панического страха старения, – день ее совершеннолетия, которое сравнивается с «черным днем», так как в этот день она становится старше Эдварда: «The last thing I wanted was some kind of celebration of the black event» [Meyer, 2009, p. 8]. Этот день описывается посредством глаголов тревоги: to dread, to fear, to lurk in ambush, to hit, to get older, to be older, to wait, to spring. Такой же коннотацией наделены эпитеты: bleak, worse, different, quantifiable, anxious, impending,

worried. Сравнительная конструкция «it's older than Edward» также актуализирует страх протагониста.

Обсуждая с Эдвардом условия ее перехода в клан бессмертных, Бэлла настаивала на немедленном обращении, не желая ждать лишней год, потому что в двадцать лет она будет «значительно» старше Эдварда: «Nineteen I'll do. But I'm not going anywhere near twenty. If you're staying in your teens forever, then so am I» [Meyer, 2009, p. 477]; «...if I could be sure of the future I wanted, sure that I would get to spend forever with Edward, and Alice and the rest of the Cullens (preferably not as a wrinkled little old lady) ...then a year or two one direction or the other wouldn't matter to me so much» [Meyer, 2009, p. 9].

Стандарты являются тем основанием, на котором строится оппозиция отношения внутреннего «я» и взгляда извне. В частности, у девочек и женщин привычка к самооценке и сравнению с внешними нормами рано входит в сознание, поскольку даже маленькие девочки начинают испытывать давление необходимости соответствовать стандартам, особенно группе сверстников.

Выводы. Изучение феномена возрастной дискриминации по языковому признаку на примере современной художественной прозы подтверждает влияние сформировавшихся отрицательных установок, выражающих имплицитную предвзятость. После продолжительного воздействия эйджистского языка и стереотипов негативное отношение и мысли о старении могут быть направленными внутрь себя и стать источником геронтофобии. В исследуемых произведениях язык эйджизма имеет свои проявления в эксплицитных выражениях действующих лиц и в имплицитных стереотипных установках самого автора и может быть распределен по пяти семантическим группам, которые основаны на классификации О.С. Авдеевой [Авдеева, 2007], исследовавшей реализацию концепта «возраст»:

1) единицы, определяющие лицо/лица, находящиеся в определенном возрасте, именующие представителей женского (old crone; sappy schoolgirl; unpleasant young woman; an older woman; pretty lady; old model of powerful woman; a new model of powerful woman; middle-aged woman; a woman of indeterminate age; mutton; lamb) и мужского пола (The Old Man; young man; creepy old man; dried-up old turd);

2) единицы, эксплицитно выражающие процесс старения (getting older and smaller; getting too old; to be on the edge of insanity; to be so old; to be distracted; to go through menopause; signs of gray hair; silvery hairs; loosing one's mind; the whites of his eyes were slightly yellow with age; the network of tiny broken blood vessels covering his cheek like a delicate spider web);

3) единицы, имплицитно указывающие на результаты возрастных изменений из-за использования косметических средств и процедур (to use self-tanning products; to have (one's breasts) done; to have botox and fillers injected in one's face; to have eyelift; to have facelift; to have breast implants; to have cosmetic improvements; to have veneers; youthful décolletage; to go under the surgeon's knife);

4) единицы, указывающие на стереотипы, связанные с определенным возрастом, имеющие в составе слова с семантикой эйджизма (*insane; unnaturally bronzed; notoriously eccentric; mutton dressed as lamb; to be crazy; youthful ignorance; youthful bravado; childish excitement; old, bald and pickled; clueless; due to his age and his odd behavior; to reach down inside yourself; to be forgotten; the embodiment of everything wrong; doddering, genial old man*);

5) единицы, эксплицирующие геронтофобию, через обозначение возрастного этапа, на котором находится индивид, или процесса возрастных изменений (*I could feel it – I was older; Every day I got older, but this was different, worse, quantifiable; Me – ancient, creased, and withered; the black event (birthday); Getting older; Eighteen isn't very old; Don't woman usually wait till they're twenty-nine to get upset over birthdays; preferably not as a wrinkled little old lady; But what about when I get so old that people think I'm your mother? Your grandmother? You're going to stay, but let me get all old anyway? Even if they don't think of me till I'm *thirty* – I hissed the word; Horror washed through me. *Thirty.*; I'm old. I'm oooooold. It means that Daddy won't love me anymore*).

В текущем исследовании героини романа «Lipstick Jungle» идентифицировали себя как стареющих женщин, однако они также демонстрировали существование конфликта между самооценкой и суждениями других, а также их собственными желаниями одновременно соответствовать и отвергать существующие стандарты. Причиной подобных установок могут быть два фактора: негативное коллективное восприятие возраста у женщин, а также конкурентоспособность, которая формирует переживание старения на личном уровне.

Таким образом, выявлено, что исследуемый язык эйджизма варьируется в зависимости от того, на кого направлено сообщение, и может выражать как положительные эмоции, так и враждебность. Кроме того, возрастные стереотипы могут стать причиной геронтофобии. Тревогу по поводу собственного старения могут испытывать не только зрелые, но и молодые люди. Можно сделать вывод, что авторы современного женского дискурса увековечивают гендерные стереотипы, которые интегрируются из общекультурных установок и влияют на человека на протяжении всей жизни. Существует потребность в дополнительных исследованиях, посвященных конкретному языку, используемому для выражения имплицитной языковой предвзятости. Поэтому дальнейшей перспективой исследования может быть рассмотрение факторов, определяющих стереотипизацию представлений о старении в языке современного массмедийного пространства.

Библиографический список

1. Авдеева О.А. Средства выражения концепта «возраст» в английском языке: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. 220 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16183077> (дата обращения: 25.02.2022).
2. Долженко Н.А., Сивкова Н.С. Гендерный дискурс: особенности речевых тактик женской языковой личности (на материале романа М.К. Анисимковой «Плач гагары») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 12. С. 149–154. URL: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.12.30> (дата обращения: 15.02.2022).

3. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании / под ред. Е.А. Земской и Д.Н. Шмелева. М.: Наука, 1993. С. 90–136.
4. Лассан Э.Р. От эйджизма в языке к геронтофобии в тексте: о жанрах ненависти в сети // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6, № 4. С. 905–919. DOI: 10.24147/2413-6182.2019.6(4).905-919
5. Прокудина О.Н. Гендерный дискурс-анализ речевых стратегий женской языковой личности: на материале русской и английской диалогической речи: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2002. 209 с.
6. Anderson C. Discourses of Ageing and Gender: The Impact of Public and Private Voices on the Identity of Ageing Women. Palgrave Macmillan, 2019. 284 p. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-319-96740-0_4 (access date: 14.04.2022).
7. Bushnell C. Lipstick Jungle. London: Abacus, 2008. 448 p.
8. Butler R.N. Age-Isms: Another Form of Bigotry // The Gerontologist. Vol. 9. 1969. № 4. Part 1. P. 243–246. URL: https://doi.org/10.1093/geront/9.4_Part_1.243(access date: 11.03.2022).
9. Furman F. There are no old Venuses: Older women's responses to their ageing bodies // In M.U. Walker (Ed.), Mother time: Women, ageing and ethics. Boulder: Rowman & Littlefield, 1999. P. 7–22. DOI: 10.1353/hyp.2002.0016
10. Halliday M.A.K. Text as semantic choice in social contexts. Reprinted in full in Linguistic Studies of Text and Discourse. Volume 2 in the Collected Works of M.A.K. Halliday / Ed. by J.J. Webster. London: Continuum, 2002. P. 23–81. URL: <http://hdl.handle.net/1959.14/32243> (access date: 15.02.2022).
11. Hendricks J., Leedham C.A. Making sense of literary aging: Relevance of recent gerontological theory // Journal of aging studies. 1987. Vol. 1, 2. P. 187–208. DOI: 10.1016/0890-4065(87)90006-5
12. Lagacé M., Doucet A., Dangoisse P., Bergeron C.D. The «Vulnerability» Discourse in Times of Covid-19: Between Abandonment and Protection of Canadian Francophone Older Adults // Front Public Health. 2021. № 9. DOI: 10.3389/fpubh.2021.662231
13. Levy B.R. Mind Matters: Cognitive and Physical Effects of Aging Self-Stereotypes // The journals of gerontology. Series B, Psychological sciences and social sciences. 2003. Vol. 58. P. 203–11. DOI: 10.1093/geronb/58.4.p203 (access date: 02.02.2022).
14. Meyer S. New Moon. London: Atom, 2009. 563 p.
15. Rychtaříková J. Perception of population ageing and age discrimination across EU countries // Population and Economics. 2019. № 3 (4). P. 1–29. URL: <https://doi.org/10.3897/popecon.3.e49760> (access date: 02.02.2022).

Сведения об авторе

Берестнева Александра Валериевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Адыгейский государственный университет (Майкоп); e-mail: beralex777@rambler.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-21-4-138>

TEXTUAL REPRESENTATION OF AGING AND AGEIST ATTITUDES IN MODERN WOMEN'S DISCOURSE

A.V. Berestneva (Maikop, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The results of interdisciplinary studies show that the aging process was causelessly associated with words of decline, vulnerability and has a gender marking. The relationship between these two identities is complex, and as linguistic research, it has not been studied to a sufficient extent yet, and does not have a satisfactory theoretical foundation.

The purpose of the article is to analyze lexical units with ageist semantics excerpted from literary works and identify semantic groups that are based on certain stereotypical attitudes associated with the aging process.

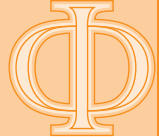
Materials and methods. The research material is the prose of American female writers K. Bushnell and S. Mayer, containing examples of age stereotypes. The main methods of analysis are the continuous sampling method, the hypothetical-deductive method, the descriptive method with its main components (observation, description, generalization), as well as the method of contextual-pragmatic interpretation.

Conclusions. In the course of the work, it is revealed that under the influence of formed ageist attitudes, negative thoughts about senescence can become inward-looking and become a source of gerontophobia. In the works under study, the language of ageism is divided into five semantic groups, including explicit expressions of personages, as well as implicit author's bias.

Keywords: *ageism, cultural attitudes, aging process, gerontophobia, stereotypes, gender discourse, negative vocabulary, age discrimination, linguistic resources.*

References

1. Avdeyeva O.A. Means of expressing the concept of "age" in English: dissertation ... candidate of philological sciences. Saint. Peterburg, 2008. 220 p. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16183077> (access date: 25.02.2022).
2. Dolzhenko N.G., Sivkova N.S. Gender Discourse: Specificity Of Speech Tactics Of A Female Linguistic Personality (By The Material Of M. K. Anisimkova's Novel "The Cry Of The Loon"). In *Filologicheskiye Nauki. Voprosy teorii i praktiki Philology. Theory & Practice*. 2019. No. 12. P. 149–154. URL: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.12.30> (access date: 15.02.2022).
3. Zemskaya Ye.A., Kitaigorodskaya M.V., Rozanova N.N. Features of male and female speech. In *Russkiy yazyk v yego funktsionirovanii Russian language in its functioning*. Ed. Ye.A Zemskaya, D.N. Shmeleva. Moscow: Nauka, 1993. P. 90–136.
4. Lassan E.R. From ageism in the language to gerontophobia in the text: types of hate in the internet. In *Kommunikativnyie issledovania Communication Studies*. 2019, Vol. 6, No. 4. P. 905–919 DOI: 10.24147/2413-6182.2019.6(4).905-919
5. Prokudina O.N. Gender Discourse-Analysis of Speech Strategies of a Female Linguistic Personality: Based on the Material of Russian and English Dialogic Speech: dis. ... candidate of philological sciences. Kemerovo, 2002. 209 p.
6. Anderson C. *Discourses of Ageing and Gender: The Impact of Public and Private Voices on the Identity of Ageing Women*. Palgrave Macmillan, 2019. 284 p. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-319-96740-0_4 (access date: 14.04.2022).

7. Bushnell C. Lipstick Jungle. London: Abacus, 448 p. 2008.
8. Butler R.N. Age-Isms: Another Form of Bigotry // *The Gerontologist*. Vol. 9. 1969. No. 4. Part 1. P. 243–246. URL: https://doi.org/10.1093/geront/9.4_Part_1.243 (access date: 11.03.2022).
9. Furman F. There are no old Venuses: Older women's responses to their ageing bodies // In M.U. Walker (Ed.), *Mother time: Women, ageing and ethics*. Boulder: Rowman & Littlefield, 1999. P. 7–22. DOI 10.1353/hyp.2002.0016
10. Halliday M.A.K. Text as semantic choice in social contexts. Reprinted in full in *Linguistic Studies of Text and Discourse*. Volume 2 in the *Collected Works of M.A.K. Halliday*. Ed. by J.J. Webster. London: Continuum, 2002. P. 23–81. URL: <http://hdl.handle.net/1959.14/32243> (access date: 15.02.2022).
11. Hendricks J., Leedham C.A. Making sense of literary aging: Relevance of recent gerontological theory // *Journal of aging studies*. 1987. Vol. 1, 2. P. 187–208. DOI: 10.1016/0890-4065(87)90006-5
12. Lagacé M., Doucet A., Dangoisse P., Bergeron C.D. The “Vulnerability” Discourse in Times of Covid-19: Between Abandonment and Protection of Canadian Francophone Older Adults // *Front Public Health*. 2021. No 9. DOI: 10.3389/fpubh.2021.662231
13. Levy B.R. Mind Matters: Cognitive and Physical Effects of Aging Self-Stereotypes // *The journals of gerontology*. Series B, Psychological sciences and social sciences. 2003. Vol. 58. P. 203–11. DOI: 10.1093/geronb/58.4.p203
14. Meyer S. *New Moon*. London: Atom, 2009. 563 p.
15. Rychtaříková J. Perception of population ageing and age discrimination across EU countries // *Population and Economics*. 2019. No. 3 (4). P. 1–29. URL: <https://doi.org/10.3897/popecon.3.e49760> (access date: 02.02.2022).

About the author

Berestneva Aleksandra Valerievna – PhD (Philology), Associate Professor, English Philology Department, Adyghe State University (Maikop, Russia); e-mail: beralex777@rambler.ru